

ОБЯЗАННЫЙ ПРАВИТЬ: ИНСУРГЕНТ

Focsker

Focsker

Обязанный править. Инсургент

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74418726*

Аннотация

Обреченный на смерть от неизлечимой болезни, я был выбран в качестве подопытного для первой криокамеры, что должна была сохранить моё тело и разум до светлого будущего, в котором мой недуг окажется не страшнее насморка.

Увы... всё как всегда пошло не по плану. Шли годы, затем их сменяли десятилетия, перетекающие в столетия, из которых складывались железные тысячелетия. Войны и эпидемии, космические открытия, новые миры и войны за них, в которых люди совершенно забыли обо мне, и вот, спустя неизвестно какое время, вспомнили, сделав поистине судьбоносный подарок...

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Focsker

Обязанный править: Инсургент

Глава 1

Проснувшись в неизвестном месте, среди неизвестных людей, голым, глядя на крутого, седого дядю в стильном черном костюме, пытаюсь осмыслить происходящее, а также закрыть дверцу криокамеры обратно.

– Я ни у кого и ничего не занимал! Мама сказала, что это бесплатно!

– Но господин... Вы последний из наследников! – Прихватив крышку могучей ладонью, спрятанной в белой перчатке, говорит седовласый дед. От одного его взгляда, от этой мощной челюсти, от поставленного грубого голоса, всё моё мужское в пятки ушло.

– Ебал я в рот такое наследство! – Тяну крышку на себя. Зачем мне королевство, зачем мне планеты, когда есть дециллионы долга?! Это вообще сколько? Я даже сколько там нулей не знаю! – Морозь назад! – Кричу я на испуганную красотку в белом халате, застывшую у футуристического компьютерного пульта размером с небольшой загородный до-

мик.

Мужик в костюме зарычал; ещё и носом пар выпустил, потянув тяжёлую крышку сильной рукой. Из-под белых перчаток посыпались искры, а после здоровенная стеклянная крышка взмыла к высокому потолку! Вырвал?! Да её закрывали десятером, когда меня «морализовали»! Всё, хана, теперь точно разберут на органы... Бесплатная медицина – говорили они!

– Не надо, дядя. – Вжавшись в кресло криокамеры, отворачиваю голову, зажмуриваю глаза. В жизни меня ещё не били, да и кто бы захотел? Хвастаться тем, что отпиздил неизлечимо больного инвалида может, разве что, озлобленный на весь мир карлик! Преподнеся это как победу Давида над Голиафом.

– Надо, лорд, надо. Вы последняя надежда системы Дна! – Говорит мужик в стильном пиджачке, с шикарной причёской, с лицом истинного дворецкого.

– Какой-какой системы? – Глаз мой дёрнулся, я, наверное, ослышался.

– Система Дна.

В голове всплыл образ одного пирата, кричавшего во весь голос «На Дно-о-о-о-о!» И видать, с долгами такими баснословными, мои родители это самое дно пробили. Какой на хер дециليون исков? Иск – это ведь претензия? И в каждом иске своя стоимость, сумма. Выходит, мой долг не просто

дециليون, а перечень долгов с непонятно перед кем и кому?! Башка закружилась, тело обмякло, и, вроде бы боли, сопровождавшей меня всю прошлую жизнь, я не чувствовал, но ощущение, будто меня сейчас на части разорвёт, уронило дрожащее тело обратно в кресло.

Мужик в пиджаке и баба в докторском халате, как Чип и Гайка, тут же пришли на помощь. Появилось множество других, непонятно откуда взявшихся белохалатников с всякого рода протезными штуками в лицах, руках, кто-то вообще больше походил на робота, нежели человека. С нервозностью реагируя на мой шок, на то, как я, обмякнув в кресле, расплылся от головокружения, они начинают нажимать на множество каких-то кнопочек, дёргать тумблеры, короче, творить неопознанную, непонятную мне дичь. Всё вокруг выглядело футуристически кринжово. Какие-то здоровенные помещения, тёмные, освещённые тусклым неоновым светом, с множеством светящихся зелёным цветом ёмкостей, сосудов, исполненных из железа и стекла, в которых плавали... человекоподобные, а иногда и вообще «неподобные» твари. Всё в трубках, шлангах, кабелях, всё по-ублюдски, всё так дико! Боже, я хочу домой... отмотайте плёнку, я там, где-то во временном промежутке, между киберреволюцией и войной со Скайнет, выйду.

Уилсон, он же мужик во фраке, он же дворецкий (наверное, в прошлой жизни мяч для волейбола), тот, кто до по-

лусмерти напугал меня долгом, которого я никогда не имел, оказался дворецким и слугой семьи Фердинанд. Тех, чья династия уже отжила хренову тучу лет, пережила войну с искусственным интеллектом, потом вторжение инопланетян, потом вторую непонятную войну. В общем, очень долгая была история у этой крутой семейки, но потом всё внезапно оборвалось. Сначала в их части галактики закончилась война, потом иссякли запасы газового гиганта, коими заправлялись космические корабли. Затем началась стагнация, застой, семейные разборки, и в итоге последних представителей Фердинандов, вместе, кучно, где-то далеко-далеко в соседней галактике, на подлёте к каким-то планетам завалили. Звёздная система, подчинявшаяся Фердинандам, оказалась без правителя, и последние, верные им слуги полезли туда, куда с придыханием ходили Властители системы Дна – в сокровищницу всего-всего, в генетический склад, как они считали, своей семьи, на котором хранился до самых чёрных дней и я сам. На надписи моей капсулы сохранилось несколько пожранных, пожеванных временем и коррозией цифр и букв, которые должны были остаться на могильной плите: «День... Месяц...0 Год...001.» – это была примерная дата моего рождения, она не читалась, а дальше: «Фе..... Храбрейший из муж...» – Я Фёдор, был им, и, возможно, выжил сейчас лишь благодаря удаче, огромнейшей случайности, позволившей мне вновь вспомнить, каково это – иметь здоровое тело. Фердинанд, сука, вот это фамилия,

как название танчика в одной игре. Когда Уилсон устроил мне форменный допрос, времени на признание в том, кто я, уже не оставалось. Требовалось подыграть, забыть старую, любимую, родную фамилию и стать тем, в ком они так нуждаются. Но имя моё стёрто, Федя Фердинанд звучит как-то совсем по-ублюдски. И в этом плане я всегда завидовал батю, думая, что дед его назвал после просмотра одноимённого фильма. И по хер, что батю на момент его выхода уже перевалило за двадцать.

– Меня зовут Константин.

Уилсон с радостью принял это имя, улыбался от восторга, в то время как учёная даже пикнуть не смела. Вкратце меня вводят в курс дел семьи. Итог которых – огромные долги, изнемогающая от усталости звёздная система, а с ней требование галактического сената «платить кредиты». Чем платить, как платить и кто будет платить – эти вопросы граничили с вопросами: где я, что я, что есть, чего нет и куда можно поссать.

Ничего не понимаю, ничего не знаю, я ощущаю себя куском мяса, который толком разморозить не успели и собираются бросить на сковородку.

– Короче, дедуль, не гони, ладно? Дай мне понять, что к чему. – Когда неизвестно откуда вынырнув, трое красоток в облегающих костюмах приняли меня одевать, прошу я старикана, не сводя взгляда с больших женских грудей, с сисечек, что изредка касаются моего тела.

– Дедуль? – Глаз седого Уилсона нервно дёрнулся. – Имя мне Уилсон Тол, но для вас... могу быть и Дедулей. К сожалению, лорд Константин Фердинанд, времени на отдых у нас с вами нет. Совет министров системы должен увидеть наследника, иначе... – Мужчина смолк, кинув на меня краткий, недобрый, такой, как у врачей, готовящихся рассказать тебе, что ты труп, взгляд. – Прошу, давайте проведём церемонию, после у вас будет всё имеющееся в распоряжении лорда время.

Глядя на этого дядьку, вспомнил своего крёстного, да и всю свою семью в целом. Крёстный из шкуры лез, чтобы угодить не только мне, но и окружающим. Забота – она ощущалась даже в его взгляде. Примерно так же, как он, глядела на меня мамка, устроившаяся в больничную столовую, чтобы иметь возможность чаще видаться со мной, когда я перестал ходить. То же было с папкой-сантехником, крёстным-стройбаном, устроившимся в больничку «мастером на все руки». Папка с мамкой в единственном сыне, во мне, души не чаяли, помер бы я в годИков этак 11, если б не они. Крёстный, не имевший детей, родной брат бати, пришёл на помощь. Продав квартиру, мне сделали операцию, мать с папкой тоже упахивались, тащили, а я... я просил их не гробить себя ради меня и медленно умирал. Концом стала процедура, название которой уже и не вспомню. Парализованного, умирающего меня превратили в сосульку, и теперь, вновь ощутив ноги, руки, с ужасом осознаю: прошло огромное количе-

ство времени, мне больше некого благодарить за своё спасение. Мои ангелы-хранители давно на небе, а я один, непойми где, непойми для чего вернулся в мир живых. У меня никого нет...

Или есть? То и дело, проваливаясь в воспоминания, между перемещениями по футуристическим локациям, ослеплявшим мои глаза огромным количеством ярких вывесок и табличек, я прихожу в себя, глядя на сидящего рядом дворцового. Уилсон Тол, я ему нужен, он стал инициатором моей «распаковки», почти что реинкарнации, значит, бесперспективному лорду, то есть мне, ещё есть кому отплатить за доброту.

Находясь в какой-то капсуле, отдалённо напоминавшей бронепоезд и в то же время едущей по дороге, я выклянчил у сопровождавшего мужика нечто вроде зеркала. Это было не стекло, какой-то карандаш или стилус, который внезапно передал картинку моего лица в 3D-объёме с максимальной цветовой схожестью. Яркость гаджета в очередной раз ослепила непривыкший ко всем этим резким вспышкам глаз.

– Очки, дай, пока лорд не ослеп. – Отыгрывая роль и в то же время ссыкуя, обратился к громиле-охраннику, ехавшему позади меня в тёмных, солнцезащитных, стильных очках.

– Для меня честь, лорд, – передал аксессуар здоровяк с размалёванным шрамами лицом. По сравнению с ним Терминатор не качался, мой телохранитель – ходячая машина из протезов и мышц. Кстати о Терминаторах, у парня име-

лось что-то металлическое под кожей. Или не металлическое, или это вообще была не кожа. Как стыки между плитами, тело его имело странные швы в области шеи. Этаким киборг-убийца из пластилина, похожего на органические материалы. Примерив его очки, в очередной раз чуть не ослеп от огромного количества всяких встроенных в них приبلуд, всплывавших окон и уведомлений. С помощью знаний и умений дворцового, оснащаю их нужными мне свойствами, то есть просто всё выключаю. Смотрю на своё отражение и тухну от непонимания того, на кого гляжу. Снег позавидовал бы белизне моих волос, а ведь они были русыми. Глаза, раньше серые, а сейчас обесцветились, стали как у зомби или вурдалака какого-то, такие же, как и волосы на голове, белые.

– Да я ёбанный покойник, – разглядывая белую кожу, обесцветившиеся родинки, ставшие такими же белыми, волосы на руках, подмышках... даже заглянув в штаны на мой мальчишеский пушок, просто ахуел. Всё белым-бело.

Потрогав какую-то приблуду на ухе, Уилсон впервые позволил себе поинтересоваться о чём-то, не касающемся власти и политики:

– Ваша лексика крайне похабна и не подлежит цензурной оценке. Скажите, древние все говорили так же, как и вы?

Ох... Ха-ха, не-а, это я особенный! В палатах смертников я был самым отшибленным, заядлым матерщинником! Крёстный-строитель где: «нах» – запятая; «бля» – как многоточие. У бати в ЖЭКе тоже словарный запас разнообрази-

ем не блистал, да и мамка, хе, любила зарвавшихся врачей словесным хуем через колено кинуть.

– Этим сленгом владели Фердинанды перед тем, как стать известными, – скрестив руки на груди, через тёмные очки, пафосно заявил я.

– О-о-о... – в один голос протянули Уилсон и тот здоровяк, у которого я отнял очки. – Узнать нечто о древнем роде, для нас это великая честь, господин!..

Коснувшись седой бороды пальцами, спрятанными под тканью чистой перчатки, дворецкий перевёл взгляд с меня куда-то на пол, задумался. Его что-то обеспокоило, и через некоторое время он задал свой следующий вопрос:

– Скажите, лорд Константин Фердинанд...

– Без посторонних зови меня просто Константин, так будет проще, – без лишней скромности прошу я. С Уилсоном хотелось оставаться друзьями, а вот с остальными... я та ещё мразота, если что. С десяти лет живу каждый день как последний. По совету крёстного, с десяти лет секси-молодух и жалостливых медсестричек за попу трогал и... даже по совету мамы в любви признался девочке в нашей палате. Правда, батя был прав, и скоро я об этом пожалел. Уже через год её не стало, а меня парализовало до бедра. Оставались только руки, интернет и его злобная, бесчеловечная начинка, в которой я совсем не следил за языком. Ха, да и чего мне было бояться? И так, двумя отнявшимися ногами, опустился в свой собственный гроб!

– Для меня честь, – склонил голову дворецкий. – Однако позволить себе такое я не в силах. Лорд Константин, расскажите, о какой эре вы говорили, упоминая семейство Фердинанд. Насколько это время близко к войнам с искусственным интеллектом? Помните, к какой именно войне присущи ваши воспоминания?

А, да-да-да, точно, он говорил о каких-то войнах. Время включить дурочку! Как в анекдоте.

– Подожди, Уилсон, как к какой? А их что, было несколько?! – Вырвалось у меня на повышенных, и так правдоподобно получилось, спросил как самый честный парень.

– Ёбаный в рот... – выдал ошарашенный телохранитель.

– О, Владыка... – обречённо склонив голову, схватился за место, где у людей сердце, дворецкий. – Неужели вы застали времена древней цивилизации? Позвольте мне провести анализ чип-устройств и генного кода? Из базы данных биокамеры нам известны лишь определённые...

Он говорил много, заумно, местами даже красиво, а я только и мог на это спросить: «Чего, блять?»

– Ты ж меня только что из морозилки вёз? Теперь в больницу поедем? – спрашиваю я по-человечески, по-нормальному.

– Простите, – ещё раз склонив голову, дядька начинает опять свои заумные объяснения. Бля, я тупой, а не глухой! Видя то, что его собеседник мысленно не напротив, а где-то между Марсом и бутылкой пива, Уилсон наконец-то соизво-

лил изъясняться по-человечески: – Я проведу проверку прямо здесь, безболезненно, и вы даже ничего не почувствуете. Вот сразу бы так и сказал!

– Лады.

Только я дал своё добро, как из-под перчатки Уилсона, как сканер в фильмах про всякую фантастическую хуйню, на меня засветил луч. Он прошёлся по мне от пяток до макушки, после чего взгляд дворецкого стал ещё более растерянным, безумно удивлённым.

– В нём нет ни одного импланта! – воскликнул Уилсон Тол, и даже водитель, отвлекшись от руля, через разделявшее нас окошко, озирился на меня. – Как вы смогли выжить?! – сползая на пол стальной посуды, припав к моему колену своими седыми волосами, смотрит в землю и говорит со мной как с богом Уилсон.

– Да бля... в свете последних событий, я хуй его знает как. Просто выжил.

– Что там, господин Уилсон, чистота 90%? – спросили телохранители-амбалы-терминаторы из отсека для персонала, что находился за железной стеной, отгораживавшей моё VIP-ложе от посторонних.

– 100% чистый биологический вид, – сглотнув, говорит Уилсон. – Так ведь не бывает, даже кровь верховных консулов разбавлена синтетическими... О, Верховный... Более я не смею сомневаться в подлинности легендарного предка рода Фердинанд! Подобное просто невозможно, Константин

Фердинанд – потомок первых людей!

Каких-каких людей?! Кроманьонцы, сука, вымерли ещё за тысячи лет до меня, блять! Я нормальный!

Телак (он же телохранитель) вновь заговорил:

– Теперь понятно, почему род Фердинанд никогда не подпускал к хранилищу посторонних.

– Мой лорд, ваш верный слуга, Уилсон Тол, должен признаться, – вновь стал биться лбом о землю дворецкий. – Приказ о сохранении вас в вашей запечатанной капсуле я, как верный дворецкий семьи Фердинанд, исполнить не смог. На нас оказывалось давление, так как никто в системе не имел права входить в Биохрам. Я, учёный-биотехнолог Виолетта Ол и главный телохранитель Макс Норд, взяли на себя ответственность, спустились в катакомбы, пробудили вас, как последнего наследника системы. Мы позволили себе большее, чем полагается нашему рангу, нарушили приказ Совета Регента, ослушались... – не договорив, дворецкий запнулся, проглотив неозвученную фразу.

– Ты прощён, – предполагая, что прошлая знать знала, кто на самом деле содержится в камере, говорю я. Хуя се, меня воскресили, позволили жить, переродиться, словно поседевшему после реинкарнации фениксу, и увидеть будущее! Я жив, сука, и буду жить, покуда меня не ебнут, и надеюсь, это не произойдёт слишком быстро. – И ты... – гляжу на здоровяка, – Ты Макс? Безумный Макс, да? – спрашиваю и, как дурак, смеюсь с данного прозвища.

– Макс Норд, телохранитель-неудачник, которого прошлый лорд оставил... – Тот склонил голову, сам себя назвал неудачником. Жесть, а компашка-то собирается под стать мне!

– Мне насрать на то, что было раньше, – прервал грустную тираду повесившего нос здоровяка. – Теперь ты герой, Безумный Макс, спасший самого лорда. Иди, дорогой Ярости, защищай меня и мои интересы впредь, стань величайшим из героев!

– Я спас лорда? Могу стать величайшим героем? – с глазами, полными наивности, глядит на меня детина, напоминавшая квадрат 2 на 2.

– Именно! Ты спас меня, нового лорда. И ты, Уилсон Тол, прекрати кланяться, поднимись, выпрями плечи. Уверен, ты был инициатором разморозки, я прав?

– Истинно так. – старик поднимается, садится в кресло напротив. – Мне пришлось угрожать Виолет Ол физической расправой для вашего извлечения. Я совершил высший грех, смел перечить и угрожать гражданину системы, превосходящему меня в ранге и статусе, мне нет прощения...

– Оправдан на хуй! – взмахнул рукой я и, слегка зазнавшись, спросил: – Я же могу отменять решения всяких судов нашей системы, это... ну, судей, полиции или милиции, КГБ?

Дворецкий вновь опускает голову, радостно говорит:

– Да, да, мой лорд! Вы можете отменить любое решение,

принятое подданными системы Дна. Вы и только вы способны делать с этой системой всё что угодно, мой лорд. Прошу, помогите нам, спасите нас всех от их гнёта.

Их, кого их? И стоп, значит, я могу всё? Вот прям совсем всё или всё, но не до конца?! Хе-хе-хе-хе, ой, милый ты мой слуга... Не с тем ты человеком заговорил о гнёте. Я всегда мечтал стать диктатором, черным властелином! Хотя, чести ради, за спасение своей жизни сделаю тебя и это чудовище в биологической оболочке своей свитой. И вашим родным всем помогу. И вообще, думаю, сначала мы с вами всю эту планету, а затем и систему от чужих, самых липких и мерзких черных властителей очистим, и только потом, когда останется только один – я займу место главного диктатора!

Бойтесь гнева задрота-девственника, сука, ибо я – само безумие, непредсказуемость, зло, накопленное в моих правой и левой руках за миллионы лет сна, вот-вот вырвется на волю. Задрот очнулся, задрот видел красивых девушек, задрот получил власть, которая и не снилась его отцу, а значит, во имя моих прекрасных предков, их трудов, стараний, я обязан прожить эту жизнь на полную катушку, показав всем и доказав себе, на что способен!

Глава 2

Локомотив-машина-звездолёт-лимузин, длинный, чёрный, с тонированными стеклами, салоном, обшитым неизвестным материалом, и ковром из белого медведя на полу, нёс меня в неизвестном направлении. Как только наш долгий разговор с Уилсоном завершился, мне оставалось разве что любоваться дороговизной внутреннего дизайна и тем, что за пределами стекла. Высота этого бронепоезда составляла метров пять – два этажа, по которым можно спокойно ходить; на крыше пулеметные турели, посреди лимузина – отдельный авто-челнок для спасения, а во главе – водитель и тройка техников-солдат, а в хвосте – взвод сопровождавшей нас пехоты в ахуенно крутых экзоскелетах. Когда я увидел их, прям слюни на эти футуристические игрушки потекли. Захотелось по-детски закричать «ДАЙ ПОИГРАТЬ!» Но нервозность слуг, а также статус лорда пока меня от этого сдерживали. ПОКА!

Мы ехали в конвое по широкой пустой дороге, вдоль которой всё пестрело зазывающими неоновыми вывесками, трёхмерными эффектами, голограммами лиц людей, животных и каких-то полуроботов. Хотя просторы и декорации вокруг поражали своей масштабностью, прохожих на улицах почти не было, лишь солдаты, напоминавшие ребят из оцепления, что выстраивались каждый раз, когда кто-то важный ехал

куда-то в телике. Оцепление проходило вдоль всей улицы Верхнего города по дороге, шедшей сквозь высотные здания, небоскрёбы, чьи шпили поднимались высоко-высоко к центру огромного темного купола. Я был среди живых, победил смертельный недуг, впервые за годы, а теперь уже и миллионы лет, ехал по улице, был так близок к другим, чужим людям, и в то же время чувствовал себя от них невероятно далеко. Третий уровень: верхний город, пристанище для элит, идеальные по качеству восьмиполосные дороги, огражденные друг от друга прозрачной энергетической стеной. Уилсон говорил, что это часть города – лучшее, что у нас есть: Райские сады метрополии с идеальной температурой, всеми необходимыми для существования коммуникациями, хорошей охраной и улыбчивыми, обеспеченными гражданами. Всё это – пристанище богатеев, так удобно расположившихся сверху, имевших возможность срать на головы тем, кто беднее и находился этажами ниже, как в жизни, так и по иерархической лестнице.

Хотя и здесь, в идеальных Райских кушах, нашлось за что зацепиться глазу.

Кортеж, сопровождавший меня, нёсся мимо какой-то аварии: что-то ярко пылало красным пламенем, выглядевшим очень неестественно на фоне полумрака и неоновых хаоса. В моменте, когда мы максимально приблизились к кузову футуристической фуры, распахнулись скрытые дверки перевернутого прицепа. На их внутренней стороне было написа-

но красной краской, а может и кровью: «Власть преступна!» Трое человек выскочили из прицепа, навели на нас пушки и... падали замертво. Готов поклясться, я видел, как одна за другой взорвались их головы. Кортёж проехал дальше; не смотри я в окно, их потуги остались бы даже не замеченными. Покушение и мгновенная смерть – вот она, любовь местного народа к своим хозяевам, ко мне.

Уилсон заметил, что я заметил, ухмыльнулся, заявил:

– Повстанцы. Безмозглая чернь с нижних ярусов. Недостойные воли изъявления, рабочая биомасса, возомнившая себя хозяевами мира. Они беспомощны, бедны, ничего не могут и ничего из себя не представляют, – говорил Уилсон грубо. В заключении добавив: – Все, кого я видел, желали одного: грабить и убивать.

Хм... Если всё и вправду так, как ты говоришь, дедуль, то на чём тогда держится страна? Если они не работают, ничего не делают, то кто всё вокруг построил, запустил, заправил и отправил в космос? Может, у него личные обиды какие, или просто тупой?

– И с многими ты говорил, Уилсон?

– Несколькими, – глядя в окно, задумчиво ответил слуга. – Однажды меня с дочерью попытались ограбить. Это были выходцы с низов, пробравшиеся крысиными тропами на вершину мира. Они требовали деньги, хотели избить меня и изнасиловать дочку, при этом заставив отца смотреть.

– И что было потом?

– Первому дочь отстрелила яйца, второму я свернул шею.

Ёбаный в рот, ну и семейка. Так, соберись, молодой Константин, нет времени восхищаться жестокостью этого мира, нужно выдать какую-то неебически космическую мудрость. Хотя эти гандальерос и были отъявленными преступниками, заслужившими такой исход, мне не хочется, чтобы людей, простых рабочих, из числа которых происходила моя семья, поголовно считали мусором. Они – герои, придурковатые, все как и я со своими заебами, но герои и пролетарии – надежда любой страны и нации:

– Ошибочно судить красоту леса по одному увиденному дереву. Не ты, не я не знаем, что скрыто в глубинах чащи.

Старик, слегка удивившись, отвлёкся от окна, посмотрел на меня взглядом, полным сомнений, затем с задумчивым видом вновь вернулся к разглядыванию пролетавших мимо нас пейзажей. Лицо его становилось всё более хмурым, задумчивым; он окончательно замкнулся, погрузившись в свои мысли. Распинаться, что-то доказывать деду я не собирался – поступил так же, как и он, вгляделся в стекло и... охуел. Проскочив очередной тоннель, проходящий сквозь крупнейшее здание, мы выехали к неебически здоровенному строению, чьи шпили буквально касались, а быть может даже создавали или подпирали купол, покрывавший и защищавший этот город. Огромное строение, целый район, город в городе. Это был диснеевский замок, исполненный из ста-

ли, стекла и неоновых подсветок, с множеством витавших вокруг него космических кораблей. Миллионами и миллиардами огоньков подсвечивалось это строение, но даже с ними оно выглядело как разукрашенный гирляндами дом владелина тьмы. Цитадель злобного гения, миллиардера – ма-
няка, филантропа, тёмного господина, самого-самого пло-
хого парня на всей планете!

Я влюбился в эту черноту с первого взгляда, уже пред-
ставлял, как сижу на самом высоком этаже в самом роскош-
ном пентхаусе. У бассейна, в окружении толпы охранников,
рядом с которой, топлес, стояли десятки самых красивых,
самых дорогостоящих моделей, актрис и певиц. Тех, кого я
куплю своей властью, деньгами, прижму к стеклу пентхауса
и буду трахать, разглядывая через панорамные стекла свои
владения!

Эх... Осталось только деньги найти, и моделей, и актрис,
которые согласятся дать нищему лорду. Ой, бя... Не видать
мне по ходу самых дорогих моделей. Максимум – какую-ни-
будь служанку за должностное повышение и премиальные...
Сука... Как же я зол на собственную нищету! Почему имен-
но я нищий?!

– Вы правы, лорд.

– А?! – Погрязнув в собственном недовольстве, рявкнул я
и в отражении увидел, какую гримасу скорчил. Белобрысый,
полуживой, костлявый, злобный... снежный троллёнок гля-
дел на самого себя в отражении бронированного стекла.

– Вы правы, – склоняя голову, более четко произнес Уилсон. – В тени нижних районов могут быть сокрыты как несчастья, так и богатства, спрятанные от посторонних глаз. Удивительно, насколько прозорлив ум того, кто бессчётное время провёл в криокапсуле. Забытые поколения первых людей считали слабыми из-за краткой жизни, отсутствия генной инженерии и понимания основ, которые знает даже чернь наших дней. Сейчас я не вижу перед собой того, над кем, как над памятником, глумились избранные. В ваших словах, ужасных манерах, сокрыта великая и непостижимая для наших дней мудрость, а с ней и сила. Могу ли я узнать, от кого вам достались слова о лесе и позволено ли мне их повторять, ссылаясь на их автора?

А что, он о цитате из аниме? Это мудрость? Я просто завершил свою мысль словами персонажа. Хотя, если всё равно никто не знает, то...

– Его звали Пейн. Дитя войны, в одиночку покорявший страны, жертва обстоятельств, что даже после смерти сеял хаос и ужас по всей планете. Легендарный воин своего времени. Он стремился к миру и в стараниях своих едва не утопил весь мир в крови.

Дед был в шоке, как и сопровождавший нас амбал.

– Вы одолели этого великого воина? – спросил дворецкий.

Он смотрел на меня как на живую легенду, как наивный ребенок смотрит на лгущего ему в лицо взрослого.

– Его одолело время, – сказал я, состроив печальную ро-

жу и тяжело вздохнув, показав, что не хочу говорить дальше, отвернулся. Старик закрыл глаза, понимая, закивал и произнес то, что я меньше всего ожидал услышать:

– Значит, Пейн был другом семьи Фердинанд. Ясно.

Чего бля, как ты вообще пришёл к этому выводу, дед?! Зажмурившись, сжав зубы, чтобы не расплыться в дебильной улыбке и сделав свою и без того тупую морду ещё тупее, выдохнул.

– Вижу, вам неприятна эта тема. Все ваши родные мертвы, вокруг всё чуждое, в окружении невежественная пыль, смеющая донимать вас расспросами. И всё равно я прошу вас, господин Константин Фердинанд, оставайтесь с нами. Вы последний, кому мы, слуги дома Фердинанд, можем служить. Никого не осталось, и без вас наше существование потеряет всякий смысл. Если вы позволите, мы можем переделать часть центральной площади, увековечить лик великого Пейна, отлив статую из доступных нам металлов! Нет сомнений, ваша история, история становления того героя останется в базах данных всех учебных учреждений, в памяти вашего народа и ваших верных подданных! Все запомнят Константина Фердинанда, как и его друга Пейна. Только прошу, оставайтесь с нами... – Опять опустился на колени Уилсон. После этого на колени сполз и здоровяк Макс с той же просьбой.

Дела... да у них в мозгах по ходу от жизни такой каша ещё погуще моей будет. С чего вдруг они решили, что я мо-

гу отказаться? Куда я пойду, блять, к кому? Под мост ночевать? Кто в здравом уме может отказаться от должности, где все тебе лбом в ноги кланяются? И памятник этот... НА хуй мне памятник? Я что, писатель? Хотя Пейну бы поставил, по приколу. Так, спокойно, собери мысли воедино, сохраняй лицо, сохраняй хладнокровие. Конечно же я останусь лордом. Хватит с меня сидяче-лежачего образа жизни (выживания). Хочу путешествовать, засыпать на ходу, в палатке, машине, где угодно, но только не в кровати ебучей! У меня при одной мысли о кровати сразу боль во всем теле просыпается. Сколько меня там понакололи да порезали, думал, в этой белой, обработанной антисептиками простыне меня и похоронят.

– Я Фердинанд, – говорю величественно и пафосно. – И мой долг, как наследника знатной крови, защищать свои территории, слуг и другое имущество. Тебе, Уилсон, не нужно меня просить об исполнении долга, что дарован мне по праву рождению. Лучше расскажи о повстанцах.

Хмурое лицо старика чуть посветлело, белые локоны, сваливаясь со лба, прикрыли усталые глаза:

– Что именно вы хотите знать, господин?

– Всё. – Откинувшись в кресле, на пафосе отвечаю я.

Уилсон и Макс. Спустя четыре часа

Парадный оркестр и рота почётного караула встречают

лорда системы Константина Фердинанда. С присущей ему спокойностью, грозностью и властностью во взгляде он оценивает церемонию с каменным лицом и надменностью. После делает всё, что положено лорду. В очередной раз показывая, насколько великой личностью он был в прошлом и что парад, все те почести, с которыми его встречают, – нечто до безобразия обычное, не заслуживающее его эмоций. По красной ковровой дорожке, обшитой золотыми нитями, шестьдесят слуг-телохранителей высшей категории проводят лорда Константина в его покои. Туда, где персона номер один во всей системе сможет отдохнуть и при желании ознакомиться с делами, происходящими в его государстве. Шесть тысяч стражей будут обеспечивать его покой день и ночь. Ещё три тысячи слуг, боевых горничных, поваров и прочих постараются сгладить всевозможный дискомфорт, с которым вернувшийся из криокамеры лорд может столкнуться.

Проводив господина, Уилсон Тол вызывает к себе начальника охраны Макса Норда для личного разговора. Поговорить им обоим было о чём.

При прошлом лорде они оба снискали дурную славу. Считались второсортной прислугой из-за верности своим убеждениям и стойкости в желании их отстаивать. Что Уилсон, что Макс, являлись выходцами второстепенных, хоть и в то же время приближенных к верхам, городских каст. На кастах, разделении по прослойке, богатству, основывалась вся

власть в городе, системе, и то, как семимильными шагами Константин Фердинанд перешагивал через укоренившиеся в обществе правила, не могло не беспокоить его верных слуг.

– Мне кажется, лорд разочарован комнатой, но слуги ему понравились, – говорит Макс, усаживаясь за рабочий стол Уилсона.

– Они элита, отобранная мной, – говорит Уилсон, – а с комнатой... Во времена первых людей в интерьере преобладали натуральные породы древесины. Завтра, пока господин изволит знакомиться со дворцом, прикажу слугам наведаться в музей мебели, сделаем перестановку, – говорит старик и по привычке наливает собеседнику кружечку натурального чая. – Норд, что можешь сказать о лорде Константине Фердинанде?

Здоровяк пригубил напиток. Сладость на губах исчезает с активизировавшимися внутри тела нанороботами, что в десять раз эффективнее позволяли телу усваивать все биологические вещества, попадавшие в организм:

– Лорд суров и жесток. Его грубость превосходит грубость любого из известных мне наставников. Высока вероятность, что в прошлом он был молодым и неудачливым воином, получившим тяжелое ранение в ходе битвы, из-за чего и был заморожен. Подобные тактики сохранения жизни в критический момент практикуют и по сей день. Не исключено, что этого загадочного, великого Пейна так же завалил наш господин.

Старик усмехнулся.

– Нет, точно не он. И то, как честно лорд об этом говорил, с каким уважением отзывался об этой личности, наталкивает на мысль, что это был его отец либо кто-то, кто был ему особенно важен. Пожалуй, я запишу это имя, расскажу дочке... – Старик достал бумажный блокнот, ещё один пережиток прошлого, что позволить могли себе разве что богатеи Метрополии. Записывая в нём таким же допотопным карандашом, ухмыляясь, Уилсон в слух бубнил: – Подумать только, один воин, а целую планету в крови утопил... Кхм, ладно, поговорим о повстанцах. Есть идеи, кто продал информацию о конвое?

– Кто-то влиятельный, – допив содержимое чашки, активировал отчёт в своём левом глазу Макс, а после перенёс голограмму на стол. – Они собрались на втором ярусе в складских отсеках. Сто пятьдесят стволов, шесть бронемашин и одна укреплённая, с рельсовой пушкой и энергощитом. Небольшая армия, имевшая в арсенале старого Джаггернаута с реактивной установкой.

– Они становятся всё сильнее. Много наших погибло? – На негодование дворецкого и вопрос Макс ответил кивком.

– Много, Уилсон, очень много. Качество солдат на службе лорда, их преданность, готовность отстаивать идеи, навязанные метрополией, существенно снизилась. На подземных ярусах уже не отличить преступника от блюстителя порядка. Всё это в купе и создаёт угрозу, послужило причиной про-

рыва через кордон на третий уровень. Но всё это, включая попытку убийства лорда – мелочи. Всё меркнет по сравнению с тем, что ждёт систему впереди. Ты ведь знаешь, Уилсон, мы-то с тобой уже точно не жильцы. Когда лорд узнает, что мы от него скрываем, когда поймёт, а произойдёт это, судя по его мыслительным процессам, очень быстро... нас с тобой сразу казнят, хорошо если безболезненно. Кто-то вроде Константина Фердинанда, плевавший на классы и касты, будет недоволен, и ещё бы... ведь вся система вот-вот!..

– Тише. – Прошипел старик, кинув косой взгляд на двери, у которых день и ночь дежурили воспитанные им горничные. Хоть он и не сомневался в их преданности, но, из ревности к любви Фердинанда, те могли восстать даже против своего создателя.

– Точно нет никаких шансов? – спросил Макс убавив голоса. – Лорд-то толковый юноша, и за словами в карман не лезет, может он сможет, а вдруг?

Уилсон печально мотает головой.

– Он покойник, ты и я тоже. Прости, Макс, если бы я ранее сподвиг нас к этому решению... но время упущено, сейчас тебе лучше передать лаборатории свой генный код и просто жить. Осталось недолго, скоро нас всех обнулят.

– Я настаиваю, – повысил голос громила, – мы должны рассказать лорду.

– Бесполезно, – так же настоял на своём дворецкий, – Константин... он... он человек с большой буквы, наверняка ле-

гендарный деятель, может даже молодой герой своего времени. Я... – старик наклонил голову вниз, за сединой пряча переполненные стыдом глаза. Его руки спрятали лицо, и тот произнес: – Я не могу рассказать герою прошлого о тех бездарностях, о том мусоре, избалованных невежах и том, что они сотворили с наследством семьи Фердинанд. Из-за беспечных потомков, из-за слуг, таких как мы, что не смогли натолкнуть своих господ на путь истинный, всё случилось так, как случилось. Это позор, это... выше моих сил. Лучше пристрели меня, Макс, или пусть лорд сам позднее меня казнит. Но я не буду этого делать, не стану говорить то, что уже никак не исправить. Да и я... я ведь слуга, пусть о деньгах говорит главный экономист, а не дворецкий и начальник охраны...

– Ты о том лживом ублюдке? Я бы перед смертью с радостью забрал его с собой, – недовольно рычит Макс, он ненавидел экономиста за его реформы в сфере энергетики. Но то, что прошлый лорд системы считал его другом, полностью связывало громиле руки. – Чёрт... старина Тол, мне больно это признавать, но ты как всегда во всём прав. Я не буду в тебя стрелять. И лорду тоже говорить ничего не буду.

– Так или иначе, мы все уже мертвы, – подняв голову, с участием обречённого глядя старому другу в глаза, говорит дворецкий. Пусть он и выглядел старше, меньше, более человечным, но их разница в возрасте с Максом едва достигала трёхсот лет, что по меркам их уровня слуг – числа едва

отличимые.

– Получается, что так. Хотя мне это даже нравится. Умереть с хозяином для телохранителя – это шикарно, но и в то же время мне бы хотелось сохранить его жизнь... украсть, если нас не казнят раньше.

Тол улыбнулся в ответ на желания телохранителя. С самых первых дней он симпатизировал этому грубияну, вышибале, чьи модернизированные импланты рук с лёгкостью рвали толстые листы железа.

– И для меня, никчемного слуги, оказаться рядом с живой легендой прошлого, принять смерть рядом с Первым из Фердинандов – огромная честь! Не меньшая, чем быть рядом с тобой в последний миг. Думаю, дочка меня поймёт.

– Конечно, поймёт! Умереть вместе с последним Фердинандом. Да мы точно войдём в историю, пусть и как самые неудачные слуги!

Уилсон вновь улыбнулся, подлил ещё немного напитка гостю. Он был рад иметь единомышленника в Метрополии, огромном городе, где верность в основном измерялась количеством денег, а не взглядами человека на свою должность и происхождение. В то же время, насладившись сладостным вкусом настоящего сахара лишь миг, Макс ни о чём не думал и в голове своей через левый глаз прокручивал слова лорда и его историю о Пейне. Тот, кто мог в одиночку утопить целую планету в крови, тот, кто был верным слугой Константина,

о ком сам лорд говорил с трепетом, стал для него кумиром. «Кто такой Константин, может, кто-то ещё знает, кто такой Пейн?» – прокрутив всю имевшуюся базу данных в личном цифровом хранилище, здоровяк поднимается с места.

– Уже уходишь? – Впервые видя, что Макс не выпил целый чайник сладкого напитка, спросил Уилсон.

– Да, пойду в библиотеку...

– Это что-то новенькое. Так на тебя лорд подействовал? – рассмеялся слуга, и здоровяк кивнул. – Возьми с собой, – подвинул вперёд чайник Уилсон. Макс без задней мысли обхватывает его тремя пальцами. В огромной кибер-руке, сделанной точь-в-точь как у простого человека, литровый чайник выглядел как тридцатиграммовый стакан чудной формы.

– Спасибо, Уилсон, – грубым басом проговорил здоровяк.

– Иди, если чего узнаешь, сообщи мне напрямую, – отмахнулся от него главный дворецкий. – А, и да: завтра, из любопытства и неприязни, которую я с тобой разделяю, давай сведём главного экономиста и лорда. Пригласишь подонка от имени дворцовой стражи?

– Я ж его на дух не переносу, знаешь ведь чем это кончится...

– Ну, я-то знаю, он знает, а лорд-то ещё нет? Помнишь, как Константин отозвался о простых гражданах?

– Это когда ты злодея решил скорчить, сказал, что с черню не общаешься? Мне такое не нравится, Уилсон. Нельзя

вводить в заблуждение лорда, он только проснулся и может всё неправильно понять.

– Но зато теперь мы знаем, лорд разделяет наши с тобой взгляды. Разве тебе не интересно, как с этим убийцей, вором и настоящим врагом Метрополии обойдётся лорд? – Поддев за больное место Макса, продолжает настаивать старик.

– Да что ему будет... с таким-то рангом. Пожурят и... – Макс вспомнил суровый взгляд Константина, историю о кровавом Пейне. – Хорошо, Уилсон, я всё сделаю!

Глава 3

Свет из окон, свет внутри моей спальни, свет от сотен кнопок, пультов, экранов, всяких гаджетов, значения которых я не мог разгадать. Всё светилось, и если проблему с окнами удалось решить, используя знания прислуги и жалюзи, то вынести из огромной спальни, имевшей три этажа, все светящиеся приборы оказалось нереально даже для слуг. Тут требовался демонтаж с кувалдой, перфоратором и отбойником. Этот свет сводил меня с ума: закрывая глаза, я видел его сквозь веки, и любое, даже самое маломасштабное свечение, мерцание вызывало в мозгу пульсацию, перерастающую в нервозность. Я слишком долго спал, слишком долго провалился в определённых условиях, с определённым воздухом, температурой, подпиткой, что заливалась внутрь моего убогого тела. Кровать подо мной размером как шесть двухспальных кроватей, сука, слишком удобная! Подушка слишком мягкая, одеяло слишком жаркое, шумы... звуки, всё чужое, не моё. Меня сводило с ума абсолютно всё, и даже в своей спальне с выключенным светом, оставшись наедине с самим собой, я был вынужден надеть солнцезащитные очки, заткнуть уши пальцами, сжать зубы, пытаться хоть как-то принять происходящее вокруг. Завтра предстояло знакомство с множеством важных шишек, предстояло играть роль великого и непобедимого Фердинанда, а я... я

сполз на землю, на ковёр, кинул на него одеяло и, перевернувшись на живот, зажмурился, боялся спать и того, что могу не проснуться. Меня лихорадило, анабиоз, заморозка не прошла бесследно как для тела, так и для моей сдвинувшейся крыши.

Утешением для моего раздолбанного во всех местах разума стала похоть, та, что пришла вместе с двумя горничными, прибывшими от дворцового Уилсона. У него намечалось какое-то важное совещание, а эти две куколки, его личные ученицы, так удачно оказались под рукой, и командой цифровой были высланы мне в услужение. Первая: голубые волосы, бледно-белая, не видевшая солнца кожа, глаза синие, но с яркой долей розового оттенка, а ещё крапинками красными, что были нарисованы на её щеках. Стройная, миниатюрная, в костюме горничной, с хорошей, с виду натуральной грудью, а ещё чем-то напоминавшим джедайский меч на поясе и с кобурой. Боевая горничная – это не шутка, это звание данного человека в местных кругах, рядом с которым всегда находилась сестра. Розововолосая, так же стриженная под каре, чуть более светлой кожей и глазками, в коих неестественно розового наблюдалось чуть меньше. Одеты были они практически одинаково, лишь импланты и модификации в их теле не позволяли назвать их близняшками. Точно так же не позволяло назвать их близнецами и оружие: розовенькая владела исключительно огнестрелом. В числе увиденных лишь мной наблюдалось от четырёх до шести гранат и минимум

четыре пушки, две из которых были припрятаны под короткой мини-юбкой, на каждом из чулков, и ещё две – на поясе фартука, один спереди, один сзади. Девки при нашей первой встрече зашли с козырных карт, с заявления, что они всецело и полностью в моём распоряжении, исполняют любое желание... Забавно, я очень хотел бы сорвать с них одежду, но вот досада: больше этого мне хотелось закрыть глаза, хоть немного вздремнуть перед тем, как пуститься во все тяжкие с двумя личностями, достойными моих самых сокровенных эротичных фантазий.

Раз двадцать я пытался уснуть у них на коленках, на сиськах, на руках, под их разговоры, сплетни, сука радио и даже ТВ... Мороженое тело показывало неготовность к контакту с чем-либо, как побочный эффект пробуждения просилось обратно в камеру. То и дело, испытав онемение, тошноту, приступ судорог, я из состояния полудрема врывался в ёбучую реальность. Подходил к окну, раздвигал шторы при помощи пульта, после сдвигал и опять, любуясь, чувствуя усталость, шёл пробовать уснуть. Опять и опять, то же самое, постоянное повторение одного безумно нужного мне действия. Сколько бы я ни просыпался или ни засыпал, за окном ничего не менялось. Не видел я луны, звёзд, ничего, кроме огромного количества разного рода подсветок, фонарей, лампочек и прочей хуйни, отражавшейся от высоких зданий. Мой мрачный дворец оказался таким же мрачным, как и вся сто-

лица – Метрополия, как её называл Уилсон. Здесь никогда не всходит солнце, никогда не поднимается и не опускается луна. Этот город, город, в котором всегда царит ночь, и в то же время город, который никогда не спит. Бессонница толкала меня в объятия горничных, Сирени и Лазури. Множество планшетов, выглядевших как простой стилус, палочка для суши либо что-то круглое, тонкое, длинное, видом напоминающее шариковую ручку, с информационной подачи горничной превращалось в достояние научных искусств (для кого-то из моего времени). Гарнитура и аппаратура, понятная каждому местному, для меня – технология инопланетян, о назначении которой я мог лишь догадываться и благодарить вечно улыбавшихся, услужливых, находившихся рядом со мной горничных. Эти технологии, их встроенность во всё, включая простую мебель, усиливали моё чувство беспомощности, раздражительность, заставляя по сто раз обращаться к служанкам, чертовски красивым служанкам с очень дебильными, выставлявшими меня в плохом свете вопросами. Я тупил, жёстко, порой даже записывал, а после того, как записал, всё равно задавал тот же вопрос и, поняв это, отшучивался, мол, «проверял вас на готовность мне помочь!» Каждый раз, когда я неоднозначно тупил, они однозначно отвечали: «Для нас это честь!» Мда... В новое время, новом месте я оказался беспомощен, словно младенец-переросток, тот, кто даже поссать, дверь открыть в уборную без чужой помощи не мог (не знал, куда и как тыкать). Радость от про-

буждения сменилась ночным самобичеванием, сложностью принятия того, что я попаданец во времени, где абсолютно все знают об этом времени в разы больше моего. Не такой я видел свою смерть, смерть моего мира, после которой в новой жизни я мог бы возродиться в прошлом бессмертным героем или чем-то вроде неубиваемой, растущей на дрожжах слизи...

Понимая, что уснуть смогу, лишь измотав себя, как делал в прошлой жизни, когда, пропуская ночи, засиживался в интернете до наступления ночи следующей, решаю устроить гастрономическое турне по местным деликатесам.

Ошибка, фатальная, такая же, как и решение не спать всю ночь. Еда дерьмовая, настолько, что грызть сырую картошку (пусть и по приколу) – не такое уж и дебильное занятие. Запах палёной пластмассы в жизни мне доводилось чувствовать не часто. Но когда для меня, на платиновой табуретке с колёсиками, на такой же разпиздатой посудине с крышкой, украшенной бриллиантами, притащили еду, когда подняли эту ёбучую крышку, я почувствовал именно этот ёбучий запах. Будто пластик, перемешанный с горелым человеческим волосом (как-то я по приколу подпалил себе волосы на руке и чутка ссыкнул, когда вместо волоска пламя перекинулось на соседние). Я запомнил тот момент, и теперь, внезапно, он всплыл в носу и голове с фрагментами отвращения к прошлому, вредному мне. Я съел исключительно необрабо-

таннные овощи, те, что украшали блюда в качестве максимум закуски. Потом, уповая на свою сытость (нет), отвесил очень скромный комплимент, от которого у меня ладошки взмокли, моим горничным. Я похвалил красоту их тел, заботу, а после предложил вместе со мной насытиться «прекрасным блюдом» и испытал огромную радость, когда они сожрали всё самое вонючее, а я смог схавать овощи. Причём почти нормальные, почти – потому что овощ, с виду напоминавший огурец, был красным и продолговатым, но без хвостика и сердцевины, а помидор – зелёным и круглым, с тем же вкусом и ёбучей сердцевиной, которую даже миллионы лет не смогли искоренить!

Реальность нереальна, овощи не овощи, и только лишь служанки, одну из которых я якобы случайно, очень робко и трусливо прихватил за попец, оказались исключительно реальными. Мягкость булочки, припрятанной за чёрной тканью, пробудила чувство, что почти не уступало желанию упасть на кровать и закрыть глаза. Ох, ну и наворотил бы я дел, даже языком, руками, если бы не эта усталость... Горничная, та, что синевласка, чью попку мне удалось чуть-чуть пощупать, перед уходом наградила меня загадочно пристальным взглядом. Она служанка, она обязана подчиняться, а я не насильник, не стану принуждать, и при этом во взгляде нижестоящей по статусу, почему-то даже сквозь кожуру пренебрежения к самому себе, я не заметил откровенной антипатии. Недовольство к калеке, что врачи прячут умело за

жалостью, легко прочитать, и на этом личике я этого не видел.

Вспоминая тепло девичьей булки, вновь уселся на кровать. Мягкая и огромная, что пока до края доползёшь – обоссешься, ещё и с подсветкой, как везде. Всё вокруг слишком сильно напичкано электроникой с этими ёбучими подсветками. Роскошь, крутость технологического будущего – я примерно такой себе и представлял, но блять, до чего же это неудобно, не практично, да сука ТУПО! Лишь одно во всём этом футуристическом аду меня радовало – одежда. Вот что-то, но она оказалась выше всяческих похвал. Хер знает который раз, отказавшись от идеи сна, выдернул любимых горничных из-за дверей, попросил помочь одеться и сука чуть не кончил, когда их утончённые с виду ручки принялись раздевать, а после одевать моё белое, худое тело. Одежда идеально ложилась на фигуру, отзывалась и реагировала на изменения температуры в теле, подстраивалась под моё физическое состояние. Эластичная, нисколько не сковывающая движения. Почти что неощутимая белая пижама, идеально облегающая в плечах и заднице, могла бы называться действительно идеальной, второй кожей... Если бы не ёбучий, мерцающий браслет на рукаве, а также внезапные включения терморегуляторов, из-за которых мне постоянно казалось, что кто-то где-то коснулся меня рукой, холодной или, наоборот, горячей. Так действовали нанороботы, какие-то технологии, о которых мне пытались рассказать близняшки,

но я тупо не понимал значения озвученных терминов. Всё не то, всё не так, ко всему надо привыкать, и... этот блядский браслет, создававший пижаму, своим мерцанием выбесил настолько, что я сорвал его и, в чём мать родила, закутавшись в одеяло, словно гусеница, заполз под кровать, туда, где темно, и вновь попытался уснуть.

Людам этой планеты не хватало света, не было других источников, кроме ламп, в то время как я просто не мог из-за них спокойно существовать. Очередная попытка встретиться со сном оказалась успешной. Как кот в коробке, как таракан, нашедший укромный угол, я наконец-таки, ощутив несвойственную телу, некомфортную температуру, мягкость и прочее, отключаюсь. Но сон мой, радость от того, что я погрузился в грёзы, в которых рассказываю родственникам во круг, где и как оказался, длился недолго... Спустя несколько часов меня насильно вытянули из-под кровати, испуганно проверили все показатели жизни, ощупали и осмотрели везде вплоть до яичек. Кто ж знал, что в этом миллионолетии восьмичасовой сон считается «летаргическим», свойственным умирающим. Горничные, реально подосравшись, чуть не выдернув мои ноги из тела, звали Усилителей, когда я просто повторял, что всё нормально, куском одеяла прикрывая торчащий, как парус, член. Вот где-где, а у молодого, голодного тела и «паруса» всё оставалось уверенно крепко. Утро – стояк – желание поссать, а дальше, после душа... хе-хе, синенькую или розовую, прицениваясь, кое-как вырвался

из их объятий, отмахался от врачей и в пламенной речи поведал, как в прошлом жили великие мыслители, творители культуры и бескультурья. Короче, отбрехался так, что в моей мозговой активности не заинтересовался даже мозгоправ. Поспал всего-нихуя, но выпался, а значит, наступал момент нового дня!

Щеголяя, как Цезарь, обёрнутый в простыню, осваивая гаджеты, всё вокруг себя, впитывая информацию от многочисленных возрастных помощников, перевожу таймер о своём подъёме с 09:00 на 04:00, жду намеченного, величественно маршируя из одного угла пентхауса в другой. Всё равно не спится, так почему бы не создать из никчёмного меня величественного мыслителя? А вместе с этим поработать, загнать себя до состояния, когда с ног валишься, – я закимарю, гденибудь и посплю, но только не в своей кровати, а где угодно, но только не в ней! Бессонница она ведь победима, как и любой другой недуг. Крёстный когда-то говорил: «Бессонницей страдают только кадированные, или те, кто никогда не заливал фундамент под лопату с тазиком». Работа, только работа, физическая и умственная, может помочь мне вернуть крепкий сон. Поверх дискомфорта, созданного телом, судьба шлёт мне приятный, информационный посыл. Читать ленты перед рассветом – по кайфу, особенно чернуху или какую-то гниль, связанную с звёздами и теми, кто успешнее тебя, но по воле судьбы и здоровья такой же, как ты, неудач-

ник. Злорадство ли это? Пожалуй. Хотя в жизни своей я никому и никогда не желал участи, подобной себе.

В 03:50 мне на планшет пересылают данные. А именно информацию о системе Дна, его населении, ресурсах. Я получил более пятидесяти огромных по числу содержащихся в них букв и цифр отчётов, в которых понял лишь часть грубой статистики, и приказал сжать информацию до минимума, упростить написание до такого состояния, что ребёнок должен понять. Я просил того, чего не понимали горничные, однако их это нисколько не смутило. Лорд сказал – слуги сделали:

– Разрешите от вашего имени приказать поднять по тревоге информационное бюро? – спросила горничная с розовыми волосами, та, что поостроже в поведении и отношении ко мне. «Поднять по тревоге» с её слов прозвучало немного дико. Кто-то из-за меня испытает дискомфорт – точно не один человек, и, наверное, даже не десять. Хм... почему вообще меня, диктатора, заботит чей-то комфорт? Огня нет, зато дымок от моей недоспавшей задницы уже появился. Схуя ли лорд не спит, а эти сука слуги изволят спать?!

– Конечно, поднять по тревоге! – рявкнул я, и уже в 04:03 получил желанный отчёт, доведённый до моего понимания, но ещё раньше мне сообщили, что всё информационное бюро готово к ответу на любой мой вопрос 24/7. Это хорошо для меня и плохо для них: сверхурочные ведь никто не опла-

тит.

Отчёт начался совсем издалека. Моя система имеет десять планет и одну звезду, свет от которой мы не видим не из-за каких-то аномальных явлений, а из-за банальной запылённости купола, под которым закрыта Метрополия Дна. Столица, она же Метрополия, главный город всей системы, называлась Торбург, концентрировала в себе главные источники производства энергии, которые впоследствии транспортировались электромагистралями в другие города планеты. Так Метрополия контролировала повиновение всех городов на планете, и в случае бунта в Торбурге дёргался рубильник, мятежный город отключался от подачи электричества, после чего, по прошествии определённого времени, ослабевал купол и все жители, находившиеся под ним, превращались в радиационную пыль. Ни одна из планет нашей системы не имела атмосферы, схожей с той, которую имела Земля. От метеоритов и прочей летящей нам навстречу хуйни систему защищали огромные космические корабли и корабли поменьше, способные перенаправить небесные объекты в сторону либо просто их расхерачить к ебням. Собственно, то же ждало и планету, что восстанет против материнской. Ни о каком сельском хозяйстве, полях, лесах и речи не шло – всё за пределами купола обречено на смерть. Атмосфера, пригодная для жизни за пределами купола, считалась огромной роскошью, а флора и фауна, обитающая на планете, зачастую встречались исключительно в заповедных

уголках разных, очень богатых звёздных систем, в число которых мы, естественно, не входили.

Все города планеты зависели от Торбурга, слали в него по космосу и земле свои производимые товары, в ответ на что получали деньги и очень замысловатые «Е-баллы», я же называл их Планетарными Ваттами (П-ват). П-ваты требовались для производства, для поддержания жизни в городах и отдельных уголках планеты. Метрополия Торбург производила почему-то постоянно разное количество этих самых П-ват, и даже не всегда количества произведённого хватало для обеспечения нужд всех городов. Сейчас баланс П-вата держался на черте, почти равен нулю: 0.01 энергетического излишества. Мы могли либо перенаправить куда-то кому-то в качестве поощрения, либо сохранить, оставив в энергохранилище. Естественно, я собирался сделать последнее, так как очень не хотелось превращать людей в пыль, собственно, как и самому в случае чрезвычайного происшествия умереть. Помимо П-вата были ещё и Иски – такая галактическая общепризнанная валюта. Печатали её где-то далеко-далеко в галактике, покупали там же на общегалактической бирже, к нам она приходила в качестве слитков, созданных из странного материала. Сами Иски квадратные, а стопка их напоминает прямоугольник со слипшимися друг к другу пластинами квадратного типа. Прикольная, очень лёгкая и в то же время дорогая штука. Почему Иски ценились? – Да потому что так сказал Царь, или Галактический власте-

лин, других объяснений мне никто не дал. Мы, то есть система Дна, были закредитованы по самую макушку, должны были Галактическому банку такие долги, что доходами всей системы не могли даже процентную ставку по кредитам перекрыть. Ознакомившись с дохуилионом нулей в долге, узнав, сколько на галактическом рынке стоит наша система и её планеты, понял одно: даже если я продам всю систему, каждую планету и всех граждан отдельно сдам на органы, полученной суммы не хватит даже для того, чтобы погасить 0.001 нашего общего долга. Мы в такой жопе, которую не видел ни один глист. Понятно говоря, мы должны всем, у нас убытки везде, и как это спасти, не знает никто. В производстве, в добыче, во внутреннем рынке потребления всё работает в минус, вынуждая нас брать всё новые и новые кредиты у Галактического банка, отчего проценты, которые мы никогда не сможем оплатить, также продолжают расти.

Нужно начинать экономить, экономить так сильно, как не экономил никто, нигде и никогда, и, разглядывая свою комнату, то количество слуг вокруг, я знал, с чего начать. Рыба гниёт с головы, голова в этой тёмной крепости – я. Подомной – мясо, многошёрстная, наверняка лицемерная, проворованная, удобная для моего возвышения грязь. Каждому диктатору, каждому идущему к реке, нужен пьедестал или тропа, в которой он увидит свой путь. И я видел его, в грубой, жёсткой, тоталитарной и беспринципной политике доминирования диктатора. Я, может, и не самый хороший че-

ловек, но знаю, что такое жить хуево, вернее, как тяжело смотреть за тем, как хуево живут твои предки. Потому, пусть и не своих, но родителей, что теперь служат мне, попытаюсь в обиду не дать...

Глава 4

Переварить всю полученную информацию сразу, пусть и в сжатом виде, для меня нереалистично – слишком тупой и медлительный. Главным оставалась и остаётся одна цель: жить и выживать, двигаясь по намеченному курсу. Предстояло собрать «антикризисную» команду, найти людей, которые разбираются в местных технологиях, финансах и... в общем, во всём, они должны разбираться. Однако в такой стране и системе, где много планет и долг столь внушительный, они уже должны быть, и если наш долг растёт, а всё вокруг потребляет столько электричества впустую, в убыток, значит, с задачей своей они не справляются. И тут у меня, как у любого начинающего диктатора, возникает вопрос: это случайность или целенаправленный мятеж? Помню, пока ещё мог ходить, мама всегда кричала, когда я забывал выключить за собой свет – это пример неопытности и расточительства молодого меня, ведь оставлял я его включённым неосознанно или не до конца понимая причин её гнева. Но если кто-то, подключившись к нашим энергосетям, наладил подпольное производство или майнил втихаря, перепродавая батарейки, что заряжал нашей энергией, то... их стоило взять за горло и, как меня ругали, так их выпороть, заставив компенсировать убытки. У нас тут в любой момент города могут со всем своим населением в мир иной отойти, а кто-то будет «май-

нить» и не платить мне за это? Непростительно!

Словно читая мои мысли, быстро реагируя на мои вопросы, сестрички-горничные, не имеющие власти, вызывают к местному богу прислуги. Недоспавший Уилсон приносит мне планшет со словами: «Возможно, этот человек вас сможет заинтересовать». Первоклассный дворецкий, слуга номер один, буквально шёл под руку со мной, предвидя мой следующий шаг. Он прибыл с докладом и целым списком разношёрстных личностей. Дворецкий, на опыте зная, кто мне нужен, первым предоставил дело какого-то старшего или главного, в их определениях непонятого министра энергетики. Он был ответственен за энергопотребление метрополии, а также имел огромное досье. Хороший послужной список, системные награды, вручённые прошлым лордом, а ещё отдельно собранная на него тонюсенькая папочка (если бы она была физической). В ней полуслепой я видел кое-какое расхождение, касающееся П-ват. В докладе экстренной комиссии указывалось о 0.01 П-вата сохранённой мощности. Здесь же говорилось как минимум о 0.03 П-ват, которые поступали в докладе от самого министра прошлому лорду. Иными словами, министр напрямую говорил, мол, количество сохраняемой энергии больше, чем фактическое. Непоняточка...

Стилус с данными комиссии тут же откладываю на стол, в него дозагружаю доклад Уилсона, после оба в виде голограмм вывожу на центр комнаты в увеличенном в двадцать

раз масштабе и начинаю игру «найди отличие». В основном всё абсолютно идентично, доклады почти полностью сходятся, и только где-то в больших тайно спрятанных батареях города накапливался и продавался кому-то наш общий запас энергии; каждый день мы недополучали минимум 0.02 Пвата. А это в целых два раза больше, чем у нас сейчас есть на развитие. Коррупция не позволяла освободить мощности для создания новых, необходимых городу предприятий. По моему личному мнению, это была даже не просто коррупция, а покушение на мою счастливую жизнь и возможное взятие в аренду пиздатых красавиц! Мне нужны деньги, энергия – это деньги, которые кто-то безжалостно пиздит из моего кармана!

Время стремительно двигалось к девяти утра. На девять тридцать был запланирован разговор с этим главным, мать его, электриком, и мне очень хотелось спросить: «Где деньги, Лебовски?!», при этом не получить надменную усмешку, бросок дерьмом в морду и ехидное «очевидно, вот тут!» Я собираюсь говорить на тему воровства в государственных масштабах; возможно, после нашего разговора кто-то сядет, может, даже ляжет, но перед этим необходимо разобраться в проблеме.

– Уилсон, есть идеи, как и где пропадает энергия? – на выбор, для разговоров рядом со мной почти всегда находились перекачанная гора тестостерона Макс и старый, каза-

лось бы, читающий мои мысли хер... вернее сэр, дворецкий. Обращаясь к нему, создавалось впечатление, что он-то точно знает, не зря же принёс дело этого министра. Чуйка меня не подвела. Стоит не только присматриваться к нему, но и прислушиваться, ведь седой лис, кажется, затевал какую-то свою, собственную игру. Ждавший моего вопроса, наверняка неспроста быстро подготовивший дело на энергетика, дедуля сразу ткнул пальцем в гнойник.

– Обратите внимание на информацию в докладах о поддержании температуры на нижних уровнях, мой лорд, – склонив голову, говорит Уилсон. Отлистав нужные страницы, коих было больше тысячи, смотрю туда, куда мне тыкают. В докладе экстренного комитета указана средняя температура в... 16 градусов по Цельсию внутри некоторых жилых помещений третьего нижнего уровня. Прохладно, но, как по мне, не критично. В то же время в тонкой цифровой папочке имелаась жалоба с десятком тысяч подписей и пометка о температуре –5 градусов по Цельсию. Не может же быть это внутри помещений?! Ёбать... В такой температуре, особенно если она комнатная, невозможно жить и оставаться при этом здоровым долго. Хотя генная инженерия, все дела... Нет, это точно не нормально. Из базовой физики я знал: если дать жару внизу, то накапливающаяся температура вверху может стать невыносимо убийственной. Иными словами, если на нижнем ярусе будет двадцать, то у тех, кто живёт сверху, может стать все шестьдесят? Это ли причина такой низ-

кой температуры, либо же в этом и спрятаны пропавшие 0.02 П-вата, которые, к слову, могли отвечать за циркуляцию воздуха? Чтобы горячий воздух не зажарил людей сверху, его вполне можно как-нибудь отправлять вниз, и вот как раз для этого могли требоваться и наверняка требовались какие-либо мощности. Но это всё лишь предположения. Очень странно: чем больше погружаюсь мысленно в эту писанину, тем сильнее теряю собственные мысли, лишаясь понимания. Доклад за докладом, добираюсь до сообщений коммунальных служб, оправдывавшихся и опровергавших низкие температуры внутри помещений. Мол, всё это кляузы, у нас всё под контролем и город ведь живёт, работает. Хотя, что это я, верю отчётам коммунальных служб? Я чё, долбоёб... Не, там точно что-то есть. Возможно, всё гораздо прозаичнее и проще. К примеру, зная, что им ничего не будет, коммунальщики и бандосы нижних уровней объединились и взяли за горло каких-нибудь бедняков. И теперь жилые строения самого незащитного класса лишились тепла, а выделяемая на них энергия разворовывается в «учёт погашения долга». Такой вариант тоже может быть, надо разбираться, и делать это я буду в своей собственной манере.

Сидя на своём огромном железном стуле, украшенном узорами и дебильной подсветкой, с высоты метров пяти, смотрю, как к моему пьедесталу чуть ли не под руки волочат бледного, кудрявого мужика. Внушительный животик

его переваливался за ремень, весь в пёстрых одеяниях жёлтого и красного цвета, с тонкими закрученными усиками, глазками бусинками. Он весь дрожал, был бледен, косился на Макса, сутулился, словно всем телом готовился припасть к земле с молитвой о прощении. Он не выглядел бедно: громоздкая цепь из переливающейся разными оттенками металла висела вокруг шеи. В повседневности эта драгоценность по-любому лежала на большом пузе как символ статусности, а сейчас, когда тот сгибал голову предо мной, стоя на обоих коленях, она была скорее как ошейник, позолоченная цепь, тянувшая пса мордой к земле. Он стоял на коленях, не смея поднять головы, тяжело дышал и вскоре, из-за веса украшения, как собака опустился на четвереньки, руками уткнулся в пол и тяжело задышал. На каждом пальце имелись перстни. Разные, с камушками, где-то, как на средних пальцах, даже по два перстня. Пока тот пытался отдышаться, успокоиться, я через Уилсона поинтересовался о стоимости украшений гостя и тут же получил ответ. Сумма приличная: звездолёт для человека моего уровня, чтобы путешествовать по системам, не купишь, но вот небольшой флот маленьких грузовых кораблей, способных перемещаться между планетами, купишь, причём даже кораблей не отечественных, а импортных, прямо с завода, ещё и в топовом обвесе.

– Господин Фердинанд Константин, я Г...

– Воруешь? – не дожидаясь приветствия, бросаю в гостя колкое слово. Простая проверка труса на смелость: призна-

ется – лох, не признается – хорошо, продолжим нашу игру.

– Я... – кудрявый от удивления аж голову задрал, пот побежал по его лбу, создавая разводы от какой-то мази или чего-то, чем тот обрабатывал своё лицо. – Ну... я... Как все, ваша светлость! – пал ниц энергетик. Значит, ворует, ну и лох; был бы не лохом, не сознался. Министр что-то затараторил, глядя в землю, а я, наблюдая за этим убожеством, намереваясь пошутить про себя (а как оказалось, вслух), выдал неуместное: – Расстрелять.

Энергетик охнул, охнул и сам Уилсон. Схватившись за сердце, толстяк задрал голову, подтверждая мою старую проблему: думать и при этом озвучивать свои бредовые мысли. Крыша моя ещё в палатах двинулась. Домогательства, похабные шутки, чернейший юмор из-за положения умирающего восемнадцатилетнему мне прощалось абсолютно всё. Тут же стоило следить за языком – дебил, блять, а в принципе... может, и вправду, он же вор? Хотя если всех воров казнить разом, то кто работать будет? Я, что ль? А я не хочу.

– Позвольте искупить вину! – заметив паузу, шанс, кричит министр.

– Мой лорд, – шокированный требованием, становится между нами Уилсон. Он чему удивляется? Я, конечно, перегнул, но разве не этого дед хотел? – Пока не истёк девятидневный срок после вашего пробуждения, полноправного признания вас как лорда, смертная казнь элит совета, членов совета Регента может вызвать массовые недовольства даже

среди верных вам слуг.

А, так этот пидор ещё из той кучки гомиков-регентов, что хотели оставить меня навеки вечные в качестве сосульки? Блять, ну тогда да, просто расстрелять мало, за хуй суку подвесить! Жаль, очень жаль, что я пока ещё не целиком и полностью лорд. Девять дней – это целая жизнь, и чего ждать, когда вот он, я? Может, кто-то высший будет решать, годный я на роль или нет? Хорошо, потерпим, может, мой мотивирующий приказ поменяет в этом толстячке что-то. Может, он одумается? Хотя, как по мне, скорее всего погрузит всё наворованное добро и укатит в закат. Блять, а за ним так же потянутся вереницы предателей, трусов, шпионов, и все с нашими бабками, которые бы мы могли коммуницировать обратно. Спасибо за помощь, Уилсон, блять, сказал бы раньше, что я ещё не совсем правитель, глядишь, этого бы не произошло. Ладно, захотят сбежать, пусть бегут! Но я не дам это сделать легко.

– Местные законы такие... снисходительные, – откинувшись в до жути удобном троне, смотрю на вора, который на коленях чуть башку свою до крови об пол не разбил. – В моё время казнили и за меньшие проступки. Но я дам тебе шанс искупить вину. Ты, твои родственники, твои друзья, счета и финансы будут заморожены. – Гляжу на Уилсона, мол, так я могу поступить, и он понимающе кивнул, одобряя такой подход. – Так же любой госслужащий, что покинет свой пост, своё министерство в течение этих девяти дней, покинув на-

шу систему, будет взят на особый контроль, как и ты. Я погорячился, приказав тебя казнить, наверняка ты профессионал своего дела...

– Я всё исправлю, всё сделаю, вы не пожалеете о своём решении! – кричит с земли энергетик, и я слышу дрожь в голосе, сопли, он рыдает на потеху мне и окружавшей нас брутальной страже.

– Это покажет время, а пока, где моя энергия, где... мои 0.02 П-вата в день, министр?

Втянув сопли, тот внезапно стих, поднял голову и взглядом красных заплаканных глаз, красного от удара лба, посмотрел на меня как на непойми кого:

– П-п-п-п... чего?

Я показушно сжал кулаки, чуть наклонился вперёд, собираясь встать.

– Ай, я всё понял, понял! П-вата, конечно-конечно, как я не мог понять эту величественную игру слов, эти... это...

Я поднял сжатый кулак и разжал его, в ответ на что толстячок заткнулся. После, показушно стиснув зубы и раздражённо зажмурившись, я гляжу на него исподлобья. Посыл эмоциональный таков: «дай мне хоть один повод сука... и я тебя точно урою».

– Я во всём сознаюсь, не надо, прошу, смилостивься, о великий господин!.. – зажмурился вор и лбом уткнулся в пол. – Энергия в подземной подстанции! – заявляет он, и я в предвкушении встаю, подхожу к краю пьедестала, замираю у об-

рыва.

– Продолжай. – Сурово требую я.

– Её списываю каждый день, понемногу. Одна из труднодоступных магистралей: её застроили и спрятали за стенами мусоросжигательного завода, потом вновь ввели в эксплуатацию, но как частную, хотя она числилась на государственном балансе. Недодавая энергии нижним ярусам города, круг определённых личностей собирал и перепродавал излишки предприятиям, испытывающим дефицит энергии. Мы помогали заводам производить больше!

Так себе отмазка, но уже что-то.

– Каким заводам? – расплывшись в улыбке от того, насколько говорливой оказалась пташка, продолжаю спокойно давить его взглядом своих белых глаз. – Расскажи мне, спаси свою жалкую, никчёмную жизнь, сдай всех своих подельников, заказчиков, и я не просто пощажу тебя, но и позволю твоим детям сохранить всё, что они успели украсть. Ты просто сядешь в тюрьму, посидишь там лет шесть-семь, выйдешь и полетишь доживать свой век к деткам.

Мужик в ужасе поднимает голову, смотрит мне в глаза, будто пытаясь решить, стоит ли оно того?

– Или есть другой вариант. – Припав на колени, сверху пьедестала, улыбаясь, рассказываю: – Мы и так выбьем из тебя всё, что захотим, вырежем вместе с органами информацию о грязных делах всех твоих родственников, друзей, любовниц, а после, собрав в одну группу, отправим на суд жи-

телей третьего яруса. У вас такая хорошая кожа, такие человеческие глаза и тела, наверняка нищие жители трущоб, которые и будут вас судить, захотят попробовать биологического мяса... В моё время, в годы голода и воин, человечинка была частым блюдом... – Я облизнулся, сощурившись, тихо спросил: – Знаешь, какова она на вкус?

Мужика затрясло, глядя мне в глаза, дрожа всеми своими цепями и косточками, он затрясся, и штаны под ним налились тёмным пятном, а после, оно разошлось по колошам, до ботинок и пола.

– Не-не-не-не... – заикаясь, бледный, с бегущими словно реки слезами и соплями, замотал головой. Ёбать, как же я хорош! Он обоссался от страха! Не в силах говорить, не в силах больше смотреть мне в глаза, кудрявый толстяк кинул взгляд на Уилсона, и тот жестом руки послал голограмму министру под нос, после чего на ней тут же одно за другим стали всплывать имена и названия фирм. Пока он давал показания, пока писал, я пару раз словил на себе взгляды моей личной стражи. Их мысли сложно понять: возможно, я перегнул, а быть может, наоборот, то, что я упомянул войну и голод, разожгло внутри них какое-нибудь понимание? Поживём – увидим. Хотя с охраной тоже что-то надо делать. Не хотелось бы, чтоб дружки этого борова, когда я за них возьмусь, подкупили кого и свой собственный охранник пустил мне пулю в голову.

Вскоре первые данные были собраны, толстяка подняли

на ноги и защёлкнули на его руках браслеты.

– А... а что будет с... с... с... ними? Моя семья... – Чуть успокоившись, но при этом всё ещё дрожа, спросил министр.

У него ещё есть силы думать о семье? Похвально, душонка его ещё не до конца пропала.

– Всё зависит от вас, министр. – С трона отвечаю я. – Вы ведь не пленник, а эти кандалы – это лишь временное напоминание, чтобы слышали меня, думали обо мне и помнили, кому именно вы служите.

Толстяк сглотнул слюну так громко, что звук эхом прокатился по тронному залу. Охотиться на его детей, если они, конечно, не взрослые и не часть коррупционной команды, я, естественно, не стал бы. И на улицы не выбросил бы новорождённых с нищей мамкой, и вообще, я хоть и сука на словах, но не совсем сука на деле. Даже пиявок могу пожалеть. Хорошо, что он этого не знает наверняка. Вижу это пятно на красных штанах, как трясутся пухлые губки и по лицу ручейком прозрачным струится пот со слезами. Гнетуще глядя на него, лицо своё корчу, превращая человеческую морду в ебальник озлобленного, молодого, белоглазого снежного тролля.

– Я служу своему лорду. – Перед тем как оставить меня, заявляет толстяк. – Завод по производству межпланетных двигателей, завод № 1... посетите его в первую очередь и поймёте: я служу, был верен и останусь верным только вам, мой господин! Славься род Фердинанд!.. Славься Констан-

тин!.. – Того уносят под ручки мои вышибалы, он кричит, он напуган, а я получаю направление для дальнейшего движения и запугивания тех, кто запугивает и издевается над нищенками вроде моих родителей. Блестяще, блять!

Шоу-программа с министром согнала сонливость. Перечисление имён на какой-то цифровой бумажке – это хорошо, но признание ублюдка, напрямую сознавшегося в некоторых тёмных делишках, ещё лучше. Глядя на Макса и периодически поглядывая на Уилсона, я очень надеялся, что хоть кто-то из этих балбесов додумался включить диктофон. Ибо, всю ночь проведя с этими ёбучими гаджетами, я самостоятельно до сих пор научился только открывать экран, листать информационные журналы и вызывать помощь, периодически путая вызов горничных и спецподразделения местных сантехников, реагиовавших на мой сигнал о потопе в номере.

– Что-то не так, Макс? – Мы зацепились взглядами, и тот, как и некоторые из бойцов, кидавшие на меня косого, отвёл взгляд.

– Всё в полном порядке. – Встав по струнке смирно, тут же ответил вышибала, уставившись взглядом в закрывшуюся в приёмную дверь. «В порядке говоришь? Хм... а мне вот так не кажется».

Глава 5

– В смысле у нас нет трудовых лагерей, исправительных колоний и производств при тюрьмах для богатых? А это... ну, как... как тогда зажавшиеся казнокрады и воры из аристократов отдают долги за грабёж населения и моей планеты? – Ярость, недовольство, переросшее в бешенство, смутили Уилсона. Ещё бы не смутили, когда я сам по себе просто в ебучем шоке. У них тупо нет понятия о том, что приближённый может сесть!

После отправки под стражу проворовавшегося министра Уилсон буквально загнал меня в тупик своим признанием. У нас нет таких тюрем, где богатые пленники системы делают для неё же полезные вещи.

– У прошлого лорда не было с этим проблем, и у предшественников до него так же, господин Константин. – Склонившись, чистосердечно признаётся слуга. – Неудобных либо казнили вместе с семьями, либо отнимали всё имущество в пользу казны, либо миловали... либо всё сразу. На моей памяти иных исходов не было, ваша светлость.

Вот сука, ну конченные же?! Ну отнял ты у казнокрада всё, ну ебнул, и чё дальше? А ущерб, а доход который тот уже просрал, а офшоры или подобное, а... а много ещё других "а"? У него, этого лорда, других, видите ли, «либо» не было, а у меня, сука, долг числом в хуево-кукуево-хуев, в сраке

торчащих, блять! Теперь понятно, почему тут всё так плохо. В Гулаг, сука, на Колыму лес валить, а если нет Гулага – создадим, блять, и пусть дети деньги для папы всем своим помётом собирают!.. Меня осенило. А лес-то не вырастишь так быстро, валить нечего. Потом осенило дважды. Всё хуйня: раз нет леса – пусть долбят лёд, камни, руду, да хоть друг дружку в сраку, лишь бы это приносило системе деньги!

– Уилсон, какая планета занимается добычей полезных ископаемых, плохо пригодна для жизни, сложна в выживании и при этом имеет недостаток в рабочей силе?

– В нашей системе таких планет семь, мой лорд...

Ёбануться! У меня что, вся система в... ой, бля, я даже слово такое подобрать не могу. Долги-то не образуются на пустом месте, остаётся только принять в себя это... огромный, жёсткий дилдак, коим меня в очередной раз с порцией новой информации пытаются обрадовать.

– А самая-самая, на твой взгляд, полезная и востребованная в «рабсиле»? – нарочно сократил слово я. – Вот место, чтоб и вроде как жил преступник, но и жизни такой боялся, бежал от неё и искал, как бы туда не попасть, а?

– Планета Гагадур, – понимая, к чему я клоню, отвечает Уилсон. – Там добывается руда для создания нашей стали, из которой делают боевые, линейные, транспортные корабли класса «Планета-Система». Корабли, способные без проблем перемещаться между системами, а также обладающие достаточной прочностью для путешествия через порталы на

короткие внутригалактические дистанции, – пояснил слуга.

Стесняюсь спросить... а как так, имея такое производство, мы умудрились влезть в столь глубокую финансовую задницу? Хм... завод двигателей, тот энергетик... Надо как можно скорее и быстрее начать раскручивать эту тему.

– Гагадур? Хорошо, значит, и будем туда слать жертв репрессий. Создадим лагерь для осуждённых и назовём его Варкута! – Местечко, где надо выживать, придётся по вкусу министрам и проворовавшимся чиновникам, бравшим слишком много и слишком открыто. Но Варкута – это будет для элит, с отдельным рейтингом «минус пять звёзд». Напротив, на противоположной стороне планеты, построим ещё один и назовём Гулаг. Туда направим рецидивистов: воров, вышибал, убийц, наркоманов и прочую социально опасную нечесть, к которой, в случае если кто-то будет строить нам проблемы в лагере, начнём отправлять наших дорогих чиновников. Все, от богатых до нищих, должны говорить о Гагадуре как о царстве мёртвых...

– Звучит зловеще, мой лорд, – говорит вроде с укором и в то же время, радуя мой слух, Уилсон. – И думаю, у нас будут проблемы на ранних стадиях. В системе подобных индивидов, тех, кто воровал, как и тех, кто убивал, а после был пойман, не жалуют. Прошлый лорд избавлялся от них путём казни. Уверены, что этот мусор вам нужен для работы? Они, как вы и сказали, социально опасны даже в этих ваших рабочих лагерях.

– Ну-у-у... – дворецкий прав, да только я упёртый, и я лорд, а если лорд сказал – значит, так правильно и так надо. Какой из меня диктатор, если даже лагерей для политосуждённых и прочих не имею?! Неполноценный диктатор получается? А я ведь полноценным хочу быть! – Казни сохраним для маньяков и серийных убийц, а ещё отдельных случаев, где миловать нельзя. Но остальных, какой мне смысл убивать? Пусть лучше идут отрабатывать в рудники, а не захотят работать – лишим пайка, отопления. Пусть внутри лагеря создадут внутренний строй: авторитеты сидят и кайфуют, а шестёрки выполняют план за всех разом. Так даже преступники станут начальниками, заставят делать нормы других, послужат на благо нашей системы. Всякой идущей на освобождение гнили предоставим право выбора: либо идёшь, выходишь и живёшь дальше честно, либо смертная казнь, либо возвращение в Гулаг, Варкуту и пожизненная жизнь на руднике с возможностью последующего обжалования вынесенного судами вердикта. Так даже у незаконно осуждённых ещё будет шанс освободиться, пока мы занимаемся чисткой системы от таких выродков, как этот энергетик.

– А вы всерьёз собираетесь ей заняться, этой вашей чистой? – удивил вопросом Уилсон. – Не поймите неправильно, я думал, вам нужен пример, показательная порка, оценив которую, другие усмирят свой пыл. Но столь серьёзные действия, причём повсеместно, – это рискованный, я бы даже сказал, смертельно опасный путь.

Оу, мой любимый дворецкий чего-то испугался? Тоже, значит, есть грешки за душой... Хе-хе, хуйня, Уилсон, если у тебя гарем молодок, которых ты тайно поебываешь, и при этом хоть отчасти заботишься о них как о моих слугах, я тебе такое прощу.

– Не пытайся напугать меня смертью, – пафосно заявляю, перекидывая ногу на ногу, – я уже мёртв, и возможно, всё вокруг – это просто иллюзия, созданная умирающим мозгом.

– Мой лорд... – взялся за грудь дворецкий, чуть испуганно склонив голову.

– Шучу... Для перемен, где что-то нужно делать, чем-то рисковать, время всегда будет неподходящим. Если не займусь ими сейчас, то когда? Как вообще тогда мне вывести систему из этих заоблачных долгов? Я не хочу умереть нищим, с бременем, скинутым на меня ублюдками-потомками, загнавшими некогда великую, не побоюсь этого слова, ЛЕГЕНДАРНУЮ семью в такие долги. Время ведь не вернуть, часы не отмотать, я хочу и буду жить, действовать так, как считаю нужным.

Уилсон схватился за сердце, не на шутку меня испугав. Старика согнуло. Лицо деда скривило в гримасе внезапного приступа боли, неужели инфаркт?!

– Старый ты хуй, чё с тобой?! – подскочил к тому я, схватил за плечо и придержал, не дав упасть, осторожно усаживая на пол. – Ты что, к богу собрался? Рано, бля, врача, быстро! – Хотя я и отдал команду, но кто нужно уже был здесь,

подступившись, боясь даже ко мне притронуться, словесно отогнать, те берутся за дело, используя множество каких-то странных гаджетов.

Сморщившись, сжимая белоснежные зубы, дед поднял взгляд и посмотрел на меня глазами растерянно-извиняющимися.

– Время... о каком времени вы говорите?

– Помолчи и расслабься. – Стоя рядом с тем, кидаю взгляд на служанок. – Позаботьтесь о нём. – Передав Уилсона коллегам по цеху, решаю закончить сегодня с политическими расправами. Пусть старый выдохнет, ни о чём не думает и попробует вернуться в строй. – На сегодня с приёмами всё. Макс, найди людей, проверенных на сто процентов, верных. Надо изучить полученную информацию. Перед тем как устраивать облавы и суды, в которых у нас нет никаких улик, нужно провести тщательные проверки, опросы.

Сделаю всё, как учат в сериалах про невьёбенных копов.

– Вы же лорд, можете просто арестовать любого! Это сильно ускорит дело. – Предложил громила.

– Нет, мне нужны улики и доказательства, не только на верхушку, имена которой нам известны, но и на рыб помельче. – Отвечаю я.

– Массовые аресты – это опасно. – Говорит солдафон. – Ополчив против себя не только знать, но и рабочих, которые лишатся своих рабочих мест и зарплат из-за остановки производств, вы можете столкнуться с мятежом.

Дурак, что ли? Естественно, я это знаю, и вообще, какого хера он со мной спорит, или приказ не понял, или понял, но не до конца?

– Макс. Я диктатор, а не идиот, и настраивать против себя сразу все слои общества не стану. Сначала возьмём за горло верхушку, потом, как и с этим утырком из энергетики, протянем нити к приспешникам, и пока клубок раскручивается, будем искать подходящие кадры на замену. Начнём спускаться по цепочке вниз, работать с данными не только топовых шишек, но и тех, кто сейчас проходит обучение, шлифует свои знания и таланты в библиотеках, институтах и школах. Каждый устранившийся кадр нужно менять новым сразу же, и желательно, новые кадры уже должны быть нами запуганы, взяты на карандаш либо подкуплены сладкими обещаниями. Понимаешь? Мне нужны перестановки кадров, мне нужна свежая кровь, что будет знать именно меня, мою щедрость и жестокость в случае прямого неповиновения. Я уже понял: иногда уволить какого-то определённого министра невозможно. Но вот его подопечные... всех защитить не получится, и так, постепенно, институт за институтом, заменяя старый сгнивший скелет новыми молодыми косточками, мы доберёмся до головы и срубим её, подарив здоровому телу здоровый ум. Коррупция – это опухоль, удалить которую единоразово, не погубив весь организм, в данном случае невозможно. Эту заразу мы будем лечить вместе, устранять постепенно, чтобы было время подлечиться, остановить кро-

вотечение и не умереть от потери крови. Нужно, чтоб твои ребята проверили ближайших по соседству к нам богатеев. В первую очередь военные, охрана, водители, слуги, те, кто из ближних кругов могут отнять мою жизнь ударом в спину. Займись проверкой органов внутренней безопасности... но без мордобоя, насилия, бережно. Те, кого можно назвать врагами, должны считать, что мы о них ничего не знаем.

Я улыбнулся этому смуглому, мрачному кирпичному лицу.

– Я не понимаю вас, лорд. Моя работа – охранять именно вас, следить за вашей безопасностью. Для меня всё это слишком сложно, а моё отсутствие, отвлечённость от обеспечения вашей безопасности опасны в первую очередь для вас самого. Вам нужны помощники, умные и понимающие... – склонил голову здоровяк, желая скинуть эту работу на кого-то другого. Сука, он во всём был прав, но...

– Макс, мне некого просить.

Здоровяк тяжело вздохнул.

– Сделаю всё, что смогу, – заявил он, отправляясь выполнять очередное поручение.

Хорошо, с этого момента начнётся наша перестройка. А по поводу подходящих кадров... Нужно время, уверен, люди найдутся. Есть ведь у страны какой-то управляющий, резервный ресурс?! Диктатор в моём лице только приступает к первой чистке – проверке администрации, производств и прочих. Уверен, мы сможем отыскать самоцветы в челове-

ческом облике, нужно только приложить усилия, да не проморгать такие нужные в это время молодые кадры.

На часах 14:00, за окном, как всегда, непросветная темень, а значит – время обеда, а с ним и последующего десерта. Я хорошо потрудился, раздал пару-тройку дельных приказов, ознакомился с досье заместителя министра энергетики и делами тех, кто в ближайшее время мог их подменить. Вроде ничё так, нормальные дядьки, молодые, на удивление не толстые, хотя тоже кое-где грешки есть... Ну, это ничего, мы их наставим на путь истинный.

Назначив пару встреч на завтра, перекусив отвратной едой, которая выглядела очень дорого, мне хотелось проверить, чем таким пикантным я смогу побаловать себя в вечернее время. Хороший секс, первый в жизни секс после трудового дня, может вернуть моему телу жажду ко сну. Может, жажду ещё к чему-нибудь этакому. Те сестрички-горничные чутка казались зловещими, и в то же время невероятно красивыми. С моей текущей репутацией, полным отсутствием сексуального опыта и их постоянной приближённостью ко мне создавалась кое-какая опасность. Вот что делать, если у меня не встанет, или кончу слишком быстро, или опозорюсь ещё как-нибудь, приставая к ним? Я ж весь, бля, из себя такой пафосный, а о сексе только из видосиков с оранжево-чёрного сайта знаю. Как мне потом с ними бок о бок существовать? Каждый раз краснеть? Нет, эти сочные милашки – мой личный мотиватор расти и развиваться в постели, в

делах интимных, овладев в которых мастерством, я сделаю с ними всё как полагается и буду дальше делать столько, сколько захочу. Тем, кто мне нравится, кто мне не безразличен, хочется быть нежным и чтоб нежность эта была взаимной. Не могу я пред такими вот красотками взять и облажаться.

Не зная, с кем говорить о моих нуждах, я дожидался всё того же Макса. Он только с «переговоров» вернулся, по лицу, чутка туповатому, уставшему, вижу – заебался мужик, и могу только посочувствовать. Вновь начинаю кошмарить здоровяка, заходя к нужной теме издалека. Около часа он слушал мой трёп, а потом произнёс, что ничего не понял. Блять... Пришлось идти на таран, сказать, что моя светлость желает этой ночью отодрать какую-нибудь красотку. Мужик прям сразу оживился, впервые очень ярко, в красках выразил свои эмоции, произнеся нестандартно радостное «Понял!». Тема подбора проституток нравилась ему больше, чем работа с министрами. Через полчаса на стол мне лёг список в электронном виде, с полной биометрией, 3D-моделями в одежде и без... Очень качественные голограммы в полный рост, цифровые копии настоящих девушек, которые можно двигать, где надо раздвигать, раздевать и, по желанию, даже нагибать. Только физически – нельзя пощупать. Список состоял из пятидесяти особ, имевших со стороны Макса максимальное одобрение. Его личный список с надписью на лице: «Их бы и я с радостью нагнул». И тут наши с ним вкусы почти не пересекались. В форме, одежде все кандидатки

оказались и вправду красивыми с лица, но это до того, как Макс показал мне как их раздеть.

– Ёбанный ты в рот, девушка, а откуда у вас хуй? – вырвалось из меня после того, как я раздел светловолосую модель ростом в метр девяносто. Валына таких размеров есть не у каждого барбоса! Не, ну на хер, листаем к следующей и ловим тройной ахуй. Почему тройной? Да потому что у неё снизу три дырки, ТРИ! На хуй ей третья – она что, европейская розетка, или там между влагалищем и задним проходом подзарядка или пауэрбанк вшит?! Следующая, блять...

– Макс, у неё же задница металлическая, да? Или это такой цвет кожи?

– Не-не, вы всё правильно видите. Многие шлюхи работающие на гос. безопасность специально заменяют биологический таз на стальной и влагалище улучшают. Так, даже если её армия выебет, писечка будет обжимать член, словно он в ней первый, – давил лыбу здоровяк.

Совсем конченный, что ли? На хую мне та, которую тысяча ебала? Ещё и с сракой железной, пусть и дермантином обшитой, и... и пиздой резиновой. Вы чё, блять, извращенцы, совсем там в будущем головой двинулись? Осуждаю на хуй! Мне нормальную бабу надо, НОРМАЛЬНУЮ! А не эти, сука, трансформеры с четырьмя сиськами, сиськами на спине, двумя вагинами и... «Чёрный пояс по мастурбации»? Бля, ну её, эту экзотику бы я вызвал, если бы она была как она, а не он (в профиле). Подташнивать начало уже на двадца-

той кандидатке, на двадцать пятой я вырубил планшет. Даже не знаю, что меня больше шокировало – пробуждение в мире будущего или то, что я, нажав кнопку «раздеть», увидел у своего лица здоровенный мужской член длиной в добрую треть моего роста.

– Слушай, Макс, а простых, ну, просто баб, как по природе положено, у вас нет?

– Это ведь скучно, разве нет? – выдал мужик, и я, испугавшись, вдруг засомневался. Блять... А если он тоже из этих, ну тех, которые в планшете через одну? Как это тогда ему спину доверять охранять? Я... не... блять, да я спать спокойно не смогу! Сука... уебанская, блять... а я ведь и так теперь спать не могу, чё ж делать, чё ж делать...

– Слушай, Макс, ты что, тоже из этих, ну... трёхдырочных? – спросил я, и мужик спокойно ответил:

– Нет. По долгу службы не положено иметь другие модификации, кроме бронеплит и дополнительного оружия. Правда, в прошлом я – биологическая баба.

– Чё?! – У меня внутри всё сжалось.

– Шучу, лорд. – Скалится еблан. – Просто шучу.

Господи, спасибо, что это шутка, хоть тут миловал. Такого боевого, ахуенно стильного Макса могли потерять! Я как долбоёб заржал, мужик захихикал, при этом стараясь сдерживаться. Мда, ладно, юмор у него не то что предпочтения по кандидаткам в партнёры, мне по вкусу. Мерзко, конечно, даже отвратительно, но пофиг, ту, с сиськами на спине, я

запомнил, а пока... стоит поесть, поговорить с этим громилой о простом, мужском и при этом попытаться выкинуть из головы промелькнувшее прямо у моего носа членоподобное бревно.

Глава 6

В разговорах, шутках о членах и дырках, в которые их можно вставлять, наступил вечер. К нам начали стекаться данные, вернулся Уилсон – слегка бледный, готовый к работе и отвергший моё предложение взять заслуженный выходной. Его что-то сильно волновало, когда мы заговорили о «времени». Возможно, личный заёб старика, может, какая-то небесная тайна, в которую я лезть не стану. Он разморозил меня, благодаря ему я сейчас жив – уже за это стоит сказать спасибо и хотя бы на первое время доверять этому старичку. Кому мне ещё тогда верить, если я вокруг вообще никого не знаю? Мне нужна личная спецслужба, личное аненербе, МІ6, ФБР и КГБ в одном лице. Где будет тройная суперразведка, проверка кадров и... бабы, точно – такие бабы, на которых даже я буду глазеть с огромным удовольствием, а после отправлять во всякие опасные задания, где через постель, где по-другому, они будут красть для меня сведения по всей системе и за её пределами! Такое подразделение... хм... подразделение S.E.X. – Strategic Elite X (Стратегический элитный отряд). Их роль в чужой кровати будет стратегически важной для всей системы! Их будут отбирать по самым строгим правилам, проверять по самым проверенным методикам. Короче, они станут самыми дорогими эскортницами на службе Его Величества – ни хуя себе Великого Лор-

да – меня. Ещё и пообывать в перерывах между заданиями смогу нормальных баб, а не железножопых с вагинальными эмуляторами – фе...

– Так, мужчины, – прервав беседу Макса и Уилсона с умным, серьёзным лицом, потребовал я, – мне нужны десять женщин, прошедших военную подготовку, имеющих минимальные генно-инженерные модификации, с приличной для женщины внешностью, грудью, задницей и при этом верных нашей системе и семье Фердинанд. Сможем таких найти?

Амбал и дед задумались. Неужели мы даже десятка таких девочек не найдём? Все дефектные?

– Насколько я помню, во внутренней охранной системе Дна задействовано чуть больше миллиона женщин, обладающих достаточной физической подготовкой для выполнения боевых дежурств, – говорит Макс.

– Ещё приблизительно столько же задействованы в службе на космических кораблях и орбитальных станциях, к тому же часть из них носит звание офицеров, имеет выслугу и боевые награды, – подмечает Уилсон. – Отобрать из такого списка всего десять подходящих вашим требованиям кандидатов – сложная работа, ваша светлость. Возможно ли расширить штат претендентов хотя бы до десяти тысяч?

Ебнутый?! На хуй мне столько, дед?! Я ж заебусь до смерти!

– Кхм, нет, они нужны мне для тайных миссий, а значит, все, кто засвечен, были прилюдно замечены на службе, – от-

метаем сразу. Мне нужны лучшие из лучших, вернейшие из верных, те, кто по моему приказу исполняют абсолютно всё. Потому – десять. После того, как служба S.E.X. обзаведётся офицерами, дам поблажку и новую команду о наборе, сможем расширить штат до ста. Но это потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.